

А. Н. Самойкин

Забытая дивизия



Забытая дивизия

Они шли по раскаленной июльским солнцем ростовской степи, неся на себе оружие, боеприпасы и амуницию.

Более десяти тысяч человек, выросших в далекой Сибири, и только несколько недель, назад прибывших сюда по приказу Верховного Главнокомандования.

Они ехали на фронт воевать, горели желанием дать отпор и нанести достойный урон немецким стервятникам, вторгшимся на нашу землю и упорно рвавшимся в ее глубь, считая все на своем пути, подбираясь все ближе к порогу их домов, в которых они оставили своих родных и близких, уйдя на фронт.

Они долго готовились к боям с этой немецкой нечистью, постигая нелегкую науку войны, приобретая и оттачивая боевые навыки, проводя учения и боевое слаживание дивизии, как единой боевой единицы, где каждый боец, говоря языком А.В. Суворова, должен знать свой маневр.

И вот, проехав в эшелонах тысячи километров они, наконец, здесь, на фронте, куда так стремились. Но то, что происходило здесь с ними сейчас, вызывало в них только бессильную злобу и отчаяние.

Снова и снова высоко над головой в воздухе начинал звучать этот до боли ненавистный звук двигателей самолетов противника, а потом начинали сыпаться сверху бомбы. Они кидались в стороны, пытаясь укрыться в этой открытой, как блюдце, степи, с горечью думая о том, как бы это было-бы там, в сибирской тайге, либо пускай в самом захудалом, но лесу, где была бы возможность спрятаться, укрыться за стволами деревьев, в его оврагах и складках.

Но ничего этого здесь не было и близко. Они были среди этой степи совершенно беззащитны. Вокруг продолжали рваться авиабомбы, слышались дикие, истошные крики их товарищей, вырываемых из жизни осколками бомб. Волею судьбы все это стало сейчас одним для всех: каждый из них сейчас в равной степени был подвержен смерти...

От каждого из них ничто сейчас не зависело: все вместе они переживали одну общую трагедию, ничем не в силах противостоять тому, что приносило в их ряды смерть.

Но едва немецкие самолеты улетали, бойцы вновь строились в колонны и, собрав раненных, и тех, кто еще мог идти, снова шли на восток в надежде, что там, наконец, будет их боевой рубеж, где можно будет окопаться, построить блиндажи, и, где они, наконец, дадут настоящий бой этим гадам, и отдадут свои жизни достойно, в бою.

Но эта проклятая степь никак не кончалась, и все повторялось снова и снова – рев моторов сверху над головой, взрывы авиабомб, отчаянные крики погибающих товарищей...

228-я Канская стрелковая дивизия умирала, так и не вступив в настоящий бой...

Формирование 228- стрелковой дивизии происходило в г. Канске, на ст. Заозерная и ст. Иланская Красноярского края. Здесь формировались все три ее стрелковых полка – 967-й, 995-й и 799-й, а также ряд других ее боевых, вспомогательных и тыловых подразделений.

Всего в состав дивизии вошло 10 тысяч 200 человек.

Процесс обучения шел непрерывно. Большинство командиров, поставленных на место старшего, среднего и младшего начальствующего состава уже имело фронтовой опыт, причем, они были специально направлены сюда, чтобы в максимально короткие сроки передать этот опыт тем, кто только сейчас встал в боевой строй.

Командиром дивизии был назначен Николай Иванович Дементьев. Это был достойный человек, который уже на второй день, начавшийся войны, командуя 99-й стрелковой дивизией, нанес немцам первое поражение в этой войне, отбив у врага г. Перемышль на Западной Украине...

Командиры полков тоже были под стать своему командиру. Это внушало ее бойцам уверенность в том, что они на фронте дадут фашистам настоящий бой. К тому времени немцы уже почувствовали на своей шкуре, что такое сибирские дивизии, встававшие на их пути.

К концу апреля 1942 г. 228-я Канская стрелковая дивизия отправилась на фронт. Но при этом о том, куда именно их везут, знало только их командование. Но бойцам дивизии это было неважно: они стремились скорее дать бой врагу.

Собирая сведения о 228-й стрелковой дивизии и о наших земляках-боготольцах, которые входили в ее состав, я сразу столкнулся с тем, что информации об этой дивизии в официальных источниках мало, вернее, ее практически нет. Об этой стрелковой сибирской дивизии стоит молчок, словно ее и не было...

А все потому, что все ее нахождение на фронте составило всего три месяца, после чего она вообще исчезла как боевая единица...

Но начать надо с первопричины, т.е. с того, почему так произошло.

12 мая 1942 г. наши войска предприняли широкомасштабную наступательную операцию на юге страны под г. Харьковом, стремясь освободить этот второй по величине город Украины, а также нанести немцам серьезный урон и перехватить у врага стратегическую инициативу, планируя в перспективе освободить всю Левобережную Украину.

В этой операции было задействовано более 640 тысяч наших бойцов и командиров. Начатое наступление первоначально развивалось успешно: оборона немецких войск была прорвана, после чего в прорыв были введены танковые корпуса.

Но немцы, уже изготовившиеся к началу летней кампании 1942 г. с целью захвата Кавказа, быстро оправались от этого удара, подтянули свои резервы и ударили во фланги наступавшей группировки советских войск. Советское командование, ослепленное одной целью – освободить Харьков, своевременно не заметило этой угрозы, и проигнорировало данные нашей разведки, а когда спохватилось, то было поздно - ловушка уже захлопнулась.

И началось форменное избиение попавших в «кольцо» наших войск: на открытой равнинной местности у них не было возможности зацепиться за какие-либо естественные природные рубежи.

К 26 мая 1942 г. наши окруженные войска оказались зажаты на пространстве в 15 квадратных километров. Их начала уничтожать немецкая артиллерия и авиация.

При этом наши танки, лишившись подвоза горючего и боеприпасов, встали. Войска оказались в голой степи и, лишённые прикрытия с воздуха, стали отличной мишенью для вражеской авиации.

Наверное, по-настоящему понять всю безнадежность и отчаяние наших бойцов, оказавшихся в этом адском «котле», можно только оказавшись на их месте. Но большая их часть не сложила оружия и двинулась назад, пытаясь вырваться из окружения.

Об этой «Харьковской катастрофе» мая 1942 г. сейчас написано много. Скажу одно: когда я читал исторические монографии об этих событиях, о той бойне-трагедии, в которой оказались наши войска, то испытал горькое чувство, которое трудно передать.

Только в немецкий плен в мае-июне 1942 г. под Харьковом попало 250 тысяч наших бойцов и командиров, а в целом безвозвратные потери составили более 280 тысяч человек...

Многие из командиров, чтобы не попасть в плен, кончали жизнь самоубийством... А что делать рядовому бойцу, у которого в голой как блюдо степи не осталось ни боеприпасов, ни еды, ни возможности обогреться: либо плен, либо смерть...

В результате действия организаторов этой операции, членов Юго-Западного направления – маршала С.К. Тимошенко, генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна и члена военного совета Н.С. Хрущева, - привели к тому, что немцы, развивая свой успех, вышли к Сталинграду и едва не овладели всем Кавказом.

Вот потому-то в нашей послевоенной истории эта катастрофа 1942 г. под г. Харьковом долго замалчивалась, тем более, что страной руководил до октября 1964 г. один из ее организаторов - Н.С. Хрущев...

«Мертвые сраму не имут», а тех, кто пережил весь этот ужас, но остался в живых, кто попал тогда в немецкий плен и выжил в немецких концлагерях, - тех уже оставалось мало, чтобы рассказать об этом и назвать вещи своими именами. К тому же во времена Н.С. Хрущева говорить об этом было не резон – только себе во вред. Да что там: молчали об этом в своих мемуарах и наши прославленные полководцы, предпочитавшие писать только о своих победах.

Но рассекреченные ныне документы, опубликованные мемуары немецких генералов, работа наших отечественных историков открыли, наконец, в наши дни и эту черную для нас страницу периода Великой Отечественной войны...

Именно в тот момент, когда разразилась «Харьковская катастрофа», на Южный фронт и прибыла 228-я стрелковая дивизия, сразу попав в круговорот всеобщего отступления наших войск на юге, которое породило в итоге в последующем знаменитый приказ «Ни шагу назад!» от 28 июля 1942 года.

Наша сибирская дивизия тоже стала заложником этой «Харьковской катастрофы». Она в числе других наших войск была вынуждена отступать на восток, чтобы также не попасть в кольцо окружения, захваченная силой инерции тех событий.

Но и в таких тяжелых условиях сибиряки попытались себя показать: когда командованием 24-й армии Южного фронта ей была поставлена задача – прикрыть отход всей армии на новый рубеж обороны, то 13 июля 228-я стрелковая дивизия была вынуждена вступить в бой с двигавшимися на нее передовыми частями 4-го армейского корпуса немцев.

Но при этом создалась реальная угроза окружения всей дивизии с флангов: оставшись один на один с противником, 228-я стрелковая дивизия рисковала быть отрезанной от переправ через реку Дон. Поэтому ее полки были вынуждены отступать к г. Каменску Ростовской области.

Тем не менее, дивизия все же прорвалась через Дон в районе г. Батайска, но из 10 тысяч 200 человек ее первоначального личного состава на тот берег реки вышло только 3,5 тысяч человек...

Таким образом, не успев, по существу, осуществить полноценных боевых действий, 228-я стрелковая дивизия была просто разбита с воздуха авиацией противника...

Когда читаешь немногие, чудом сохранившиеся донесения о потерях 228-й стрелковой дивизии в тот период, то в них сквозит одна ключевая фраза: «погиб при налете немецкой авиации». При этом о местах захоронения ее личного состава сведений почти нет: дивизия отступала, будучи не в силах даже похоронить, как следует, своих погибших товарищей... Немецкая авиация просто выкашивала ее ряды, и не было возможности хоть как-то этому противостоять: сибиряки погибали, но не сдавались, продолжая отходить на восток.

27 июля 1942 г. поступил приказ о включении остатков дивизии, вернее, того, что от нее осталось, в состав 2-й гвардейской дивизии 3-го гвардейского корпуса Южного фронта, т.е., по существу, речь уже шла о ее расформировании...

Приказ о расформировании дивизии вышел 29 июля 1942 г. в г. Махачкале, куда остатки дивизии прибыли в начале августа 1942 г. Окончательно дивизия была расформирована к 28 августа 1942 г.

Вот так сложилась трагическая судьба 228-й Канской сибирской дивизии, в которую входили и наши земляки-боготольцы.

Ее бойцы и командиры в полной мере приняли на себя весь тот груз испытаний, который выпал им в тот период войны, в те суровые и трагические дни... Им было горько и обидно погибать вот так, впустую, даже не дав врагу настоящего боя. Большая часть из них погибла, но погибла ради нашей общей Победы, ради того, чтобы мы сейчас могли жить ...

При формировании 228-й дивизии в ее личном составе преобладали жители практически всех районов Красноярского края, а также призванные из Хакасии и Тувы. Напомню, что местом ее формирования являлись ст. Иланская и ст. Заозерная Красноярского края, а общим центром являлся г. Канск Красноярского края.

В ходе поисков мне удалось установить сведения о шести наших земляках-боготольцах, входивших в состав этой «Забытой дивизии».

Первый из них – Александр Тихонович Ищуков, 1911 г.р., уроженец г. Боготола. Он был призван Боготольским РВК в ноябре 1941 г. и вошел в состав 799-го полка 228-й стрелковой дивизии, служил в должности санитаря. Последнее известие от него в адрес его родной сестры Прасковьи Тихоновны Ищуковой, проживавшей в г. Боготол по ул. Октябрьской д. 14, пришло 30 июля 1942 г. Впоследствии Боготольским РВК он был признан пропавшим без вести с сентября 1942 г.

Следующий из них – Иван Ефимович Челало, 1909 г.р., уроженец д. 2-я Казанка Михайловского с/с Боготольского района. Он был призван в ряды РККА в 1941 г. из г. Боготола. Последнее известие от него пришло в Боготол тоже 30 июля 1942 г. Его супруга Татьяна Михайловна Челало проживала в г. Боготол по ул. Московской д. 22. И.Е. Челало был признан пропавшим без вести с октября 1942 г.

Далее – Хафис (Хофис) Соляхоудинович Резванов, 1902 г.р., уроженец Боготольского района. Он был призван Боготольским РВК и служил в 797-м стрелковом полку 228-й стрелковой дивизии. Его супруга проживала в Боготольском районе. Последнее известие от Х.С. Резванова датировано июнем 1942 г. Впоследствии Боготольским РВК он был признан пропавшим без вести с августа 1942 г.

Четвертый из них – Степан Александрович Степаненко, 1915 г.р., уроженец с. Красная Речка Боготольского района. Его супруга Степаненко

(Кузьмина) с сыном Степаном, родившимся перед самой войной, в 1940 г., переехала в г. Боготол из с. Красная Речка и жила по ул. Пролетарской д. 47. Последнее известие от ее мужа С.А. Степаненко было датировано 10 апреля 1942 г., видимо, перед отправкой на фронт. Пропал без вести.

Далее удалость установить имя еще одного нашего земляка, входившего в состав 797-го стрелкового полка 228-й стрелковой дивизии. Это Николай Васильевич Завальный, 1921 г.р., уроженец с. Волынка Волынского с/с Боготольского района. Его отец Василий Иванович Завальный и мать Христиния Петровна проживали по месту рождения сына.

В итоге в ходе поисков было установлено, что Н.В. Завальный попал в немецкий плен 18 июля 1942 г. в районе г. Каминска Ростовской области и находился в концлагере «Шталаг VIII F» (Ламсдорф), (ныне – Ламбиновице, воеводство Ополе, Польша), где и погиб 31 августа 1944 г.

Стоит отметить и тот горький факт, что супруги Завальные потеряли на войне, помимо Николая, еще одного своего сына – Виктора, 1926 г.р., который погиб в Германии 29 марта 1945 г., т.е. за 1,5 месяца до Победы...

И, наконец, был установлен еще один боец 228-й стрелковой дивизии, который был призван и направлен в ее состав Боготольским РВК 22 октября 1941 г., судьба которого сложилась не так трагически, как судьбы предыдущих пяти наших земляков, но тоже по-своему драматично.

Это Кузьма Павлович Нехаев, 1901 г.р., уроженец д. Журавлиха Разгуляевского с/с Боготольского района. Он пропал без вести с июля 1942 г. Его супруга Елена Федоровна Нехаева (Малышева) и дочь Клавдия, 1938 г.р., проживали по месту его рождения.

В результате выяснилось, что фактически рядовой К.П. Нехаев попал в плен 26 июля 1942 г. под г. Ростов-на-Дону. Он провел в плену почти три года и был освобожден из плена 8 апреля 1945 г. войсками 3-й Ударной армии.

К сожалению, у меня нет сведений о том, как сложилась его дальнейшая судьба, но ясно одно: в советское время практически на всех, кто прошел немецкий плен, лежало негласное пятно. Власть относилась к таким людям с недоверием, подспудно ограничивая их гражданские права.

В советском предвоенном законодательстве за сдачу в плен была предусмотрена уголовная ответственность, что падало пятном и на их родных и близких. В ходе войны в 1943 г. эта статья была изъята из Уголовного кодекса, но нехороший осадок от этого оставался еще долгое время...

Я полагаю, что наших земляков-боготольцев, входивших в состав 228-й Канской стрелковой дивизии, было гораздо больше, и что многие из них до настоящего времени продолжают числиться в числе без вести пропавших, но без документальных свидетельств о том, что они воевали в рядах именно этой дивизии.

Документов об их гибели не сохранилось: видимо, они были уничтожены в соответствии с ведомственными приказами наркомата обороны в связи с угрозой окружения дивизии, либо из-за налетов авиации противника во время ее отступления.

Но все же они сделали главное – они приблизили нашу общую Победу. Конечно, они могли сделать больше, но их судьба сложилась иначе. Они тоже герои той войны. Просто им выпала своя нелегкая доля ...

Александр Самойкин